

Время снова проехалось по ветрам и морозам трех лет. Сменялись холод и жара, трава и деревья трижды увядали и распускались, и Цзян Цзыя превратился в одиннадцатилетнего юношу.

За эти три года смутное время стало еще более смутным: чиновники Шан собирали налоги всё чаще, грабили всё свирепее. В сельской местности простолюдины то умирали, то бежали, деревни день ото дня пустели, из десяти дворов девять стояли заброшенными. С того года, когда чиновник Шан ударил ее ногой в грудь, у Цзян-ши осталась застарелая болезнь: в лютые зимы страдающие легкие давали о себе знать, хвори накапливались годами, и она круглый год непрестанно кашляла, слабея день ото дня. Сперва она еще кое-как могла подниматься, чтобы стирать белье и готовить еду, но со временем ей стало трудно даже вставать с постели и ходить. Целыми днями она лежала на половине полуразвалившейся, истлевшей по краям циновки — дыхание слабое, лицо желтое и осунувшееся, скулы высоко торчат, глазницы глубоко запали. От некогда мягких бровей и глаз остался лишь разбитый болезнью скелет.

Кровавый кашель стал привычным делом.

Каждую ночь, ближе к полуночи и на рассвете, холод пробирал легкие, и Цзян-ши начинала жестоко кашлять. Каждый ее надрывный звук пронзал сердце насквозь, от кашля содрогалось всё тело, вибрировали доски кровати, а темные сгустки свежей крови летели в обрывки ткани и разбитые чашки — от этого зрелища кровь стыла в жилах.

Цзян Цзыя каждую ночь дежурил у лежанки, не смея сомкнуть глаз или отойти хоть на шаг. Стоило матери закашляться, он тут же вскакивал, бережно поглаживал ее по спине, вытирал кровь, поил водой. Ночь за ночью он бодрствовал без отдыха, белки его глаз были испещрены красными прожилками, но он все равно из последних сил держался на ногах, не позволяя себе расслабиться ни на йоту.

В доме уже давным-давно царила абсолютная, предельная нищета.

Ни зёрнышка еды, ни единой медной монеты, ни пол-локтя цельной ткани, не говоря уже о целой циновке или хотя бы немного более толстом старом ватном одеянии — оставались лишь продуваемые всеми ветрами с четырех сторон глинобитные стены, усыпанный по всему полу обломками бамбуковых планок звездный атлас, да на одной лежанке — один больной и один юноша, которые из последних сил поддерживали этот рушащийся дом.

Не было денег на лекарства, не было денег на еду, не было денег, чтобы позвать лекаря, и даже глоток горячей рисовой каши казался несбыточной мечтой.

Цзян-ши несколько раз падала в обморок от приступов кашля, но, приходя в себя, ее первыми словами неизменно оставались слабые наставления: Я-эр... не плачь... не бойся... не держи зла... мама выдержит...

Цзян Цзыя сжимал иссохшие, как хворост, ледяные руки матери. Глаза его покраснели, он сдерживал рвущиеся наружу слезы, а голос его звучал твердо, но в нем сквозила предельно

подавленная боль: Мама, ты обязательно поправишься, обязательно выдержишь. Я пойду искать лекарства, пойду в горы искать травы, которые исцелят твой кашель и остановят кровь. Каким бы опасным и трудным это ни было, я их найду.

Цзян-ши слабо качала головой, ее дыхание прерывалось: Нельзя... В глухих горах... волки, тигры, леопарды, ядовитые змеи и насекомые... отвесные скалы и глубокие ущелья... Тебе всего одиннадцать лет... Если пойдешь — это верная смерть... Мама лучше умрет... чем позволит тебе подвергать себя опасности...

Цзян Цзыя наклонился и тихонько прижался к материнскому уху. Его тон был тверд, как железо, а каждое слово звучало четко и весомо: Мама, я не могу позволить тебе умереть. Если ты уйдешь, у меня совсем ничего не останется. Какими бы опасными ни были горы, какими бы свирепыми ни были волки, какими бы высокими ни были скалы — я ничего не боюсь. Я умею терпеть, умею прятаться, умею различать травы и находить дорогу, я смогу защитить себя и смогу защитить тебя. Поверь мне, я обязательно найду целебные травы, обязательно заставлю тебя поправиться.

Видя безоговорочное упорство в его глазах, Цзян-ши молча уронила слезу, которая смочила ветхую циновку, и беспомощно, срывающимся голосом прошептала: Дитя мое... почему твоя доля... так горька... Мама лишь тянет тебя на дно...

Мама никогда не тянула меня на дно, — тихо произнес Цзян Цзыя, кончиками пальцев осторожно расчесывая спутанные волосы матери. — Это я хочу защитить маму, это я хочу быть рядом с мамой, это я в долгу перед мамой. Ты родила и вырастила меня, сберегла мне жизнь, и даже если я исхожу тысячи гор и рек, перепробую сотни трав и ядов, сорвусь со скалы в ущелье и буду ходить рядом с тиграми и волками — я все равно должен спасти тебя.

Этой ночью мать погрузилась в тяжелый сон, продолжая кашлять кровью, а Цзян Цзыя просидел у лежанки всю ночь напролет.

За окном небо было усыпано звездами: Звезда Цзывэй тускнела все сильнее, а Звезда Тяньлан разгоралась все ярче — предзнаменования великой смуты в Поднебесной были видны как на ладони. Звездный атлас в его сердце вращался, соединяя воедино медицинские знания, свойства трав, принципы инь и ян, пяти элементов, древние книги, преподанные учителем, и Небесный Дао, постигнутый через созерцание звезд. Он уже бесчисленное количество раз мысленно запечатлел в памяти свойства трав, их холодную, жаркую, теплую или прохладную природу, а также то, от каких болезней они исцеляют.

Он не мог ждать, не мог медлить, не мог смотреть во все глаза, как мать изо дня в день слабеет от кровавого кашля и идет навстречу гибели.

На следующий день на рассвете, когда небо еще не успело посветлеть, но небосвод по-прежнему был усыпан звездами, а роса стояла густая, как вода, и холод пробирал до костей, Цзян Цзыя на цыпочках встал, подоткнул вокруг матери старое ватное одеяло и легко коснулся ее лба — тот был ледяным.

Он крепко сжал свои маленькие кулаки, подавляя всю охватившую его панику, взял старую бамбуковую корзину, грубый деревянный посох с заостренным концом, засунул за пояс небольшой кусочек острого каменного ножа, накинул рваную тонкую одежду, босиком обул плетеные из пеньки сандалии с открытыми пальцами и бесшумно толкнул дверь хижины, ступив в бескрайнюю темноту и холодный ветер.

С тех пор каждый день, еще до рассвета, он в одиночку отправлялся в горы. Над головой сияли звезды, под ногами лежал мороз и роса, и шаг за шагом он уходил всё дальше в бескрайние, нетронутые человеком глухие горные леса.

В глубоких горах на каждом шагу подстерегали смертельные опасности.

Утесы вздымались на тысячу саженей, деревья сплетались кронами, загораживая солнце, темные глубокие ущелья не имели дна, клубился туман, передвигаться было скользко и трудно — стоило лишь чуть-чуть оступиться, и полетишь вниз, разбившись вдребезги.

Цель Цзян Цзыя была ясна: он искал лишь те травы, что могли остановить кашель, остановить кровотечение, смягчить легкие и поддержать сердце — адефора, охиопогон, рябчик, солодка, агератум, узлы лотоса, листья биоты... Всё, о чем говорилось в медицинских трактатах и на что указывали астрологические знаки, всё, что обладало мягким действием и подходило по болезни, он запечатлевал в памяти и искал по пути, непрерывно распознавая травы.

Горные тропы были крутыми, камни — скользкими. Он карабкался босой, его ступни были исполосованы острыми камнями и колючками, сочилась кровь, и каждый шаг оставлял кровавый след, но он лишь стискивал зубы и не издавал ни звука.

Некоторые целебные травы росли посреди отвесных скал, где не было ни дорог, ни деревьев, за которые можно ухватиться — лишь голые каменные стены и бездна внизу. Тогда Цзян Цзыя изо всех сил вцеплялся в дикие травы и лианы, его тело повисало в воздухе, и он сантиметр за сантиметром продвигался вперед. Его пальцы впивались в трещины в скале, руки стирались до кровавого мява, он несколько раз срывался, зависая в пустоте и раскачиваясь на ветру в шаге от бездны, и лишь чудом, балансируя на грани жизни и смерти, ему удавалось сорвать хотя бы несколько стебельков.

Однажды, когда он карабкался по крутой скале, лиана внезапно оборвалась, и его тело стремительно полетело вниз. В лицо ударил бешеный ветер, в ушах свистел воздух, и он уже думал, что неминуемо погибнет, но, к счастью, на лету его задержало росшее из расщелины низкое дерево. Ветви пронзили плоть, по всему телу разлилась жуткая боль, и он на полдня потерял сознание. Очнувшись, он преодолевая боль враньем вернулся на тропу — весь в крови, но по-прежнему не желая поворачивать назад, он продолжил путь в еще более глухие чащобы.

В глубине гор таились не только опасные обрывы, но и свирепые звери с ядовитыми насекомыми, и каждый шаг здесь таил ужас.

Однажды на рассвете, когда туман еще не рассеялся, он низко наклонился, разглядывая

целебную траву, останавливающую кровотечение, как вдруг услышал глудое рычание. Подняв голову, он увидел серо-желтого голодного волка с хищным блеском в глазах. Оскалив пазу, зверь медленно подбирался ближе, с его пасти капала слюна — было очевидно, что он до смерти голоден и намерен проглотить мальчишку.

Цзян Цзыя оцепенел всем телом, его сердце едва не остановилось, ладони мгновенно вспотели от липкого пота, но он изо всех сил подавил страх. Не сдвинувшись с места, не смея побежать или закричать, он лишь крепко сжал деревянный посох и каменный нож, неотрывно следя за движениями волка. В мыслях он молниеносно просчитывал направление, направление ветра, пути отступления и повадки зверя, применяя принципы военного искусства и избегания опасностей, которым его учил наставник, чтобы сохранять хладнокровие.

Он медленно отступал назад, шаги его были легкими и уверенными. Он не злил зверя, не паниковал, дыхание его оставалось ровным. Волк несколько раз делал ложные выпады, пытаясь броситься вперед, но Цзян Цзыя каждый раз ловко уклонялся в сторону, отражая удары посохом. Спустя почти час противостояния волк, поняв, что добыча дается нелегко, услышал донесшийся издали рев медведя и в конце концов с неохотой отступил.

Спина Цзян Цзыя к тому моменту уже насквозь промокла от холодного пота, ноги дрожали, но он все равно устоял на ногах, согнулся и продолжил собирать травы, словно только что происходившее смертельное противостояние с голодным волком было лишь заурядной пустяковой опасностью.

Куда опаснее было случайно столкнуться с черным медведем.

Огромный медведь обладал исполинской силой и невероятной мощью — один его удар мог разорвать человека на куски. В тот день, когда он перебирался через горный хребет, он нос к носу столкнулся с медведем, который лакомился дикими фруктами. Разъяренный зверь взревел и бросился прямо на него, заставив содрогнуться весь лес. Цзян Цзыя ни секунды не колеблясь бросился бежать. Опираясь на доскональное знание горных троп, звездных ориентиров и особенностей рельефа, он петлял между деревьями, перемахивал через ручьи и овраги, несясь во весь опор несколько ли. Чуть не схлопотав удар медвежьей лапой, он сиганул в неглубокий ручей, спрятался под нагромождением валунов и сухих веток, затаил дыхание и замер, не смея шевельнуться, пока медведь не ушел далеко. Только тогда он выбрался наружу — весь в грязи, не помня себя от пережитого ужаса, с колотящимся в груди сердцем.

Но от чего защититься было труднее всего, так это от ядовитых змей.

В траве среди деревьев, в расщелинах скал и под корнями повсюду встречались зеленые змеи и щитомордники — холодные расцветки, с раздвоенными жалами, невероятно ядовитые. Стоило такой укусить, как противоядия не нашлось бы, и смерть наступила бы в мгновение ока.

Цзян Цзыя каждый день пробирался сквозь заросли, и не раз бывало, что он разминался с ядовитыми змеями буквально в сантиметрах. Змеиное тело скользило по его ступне — холодное и липкое, а он замирал всем телом, задерживая дыхание и не двигаясь с места, и

лишь когда змея медленно уползала, он осмеливался продолжить путь, а его рваная одежда уже давно промокала насквозь от холодного пота.

Однажды, когда он наклонился, чтобы сорвать смягчающую легкие траву, из трещины в камне внезапно выскочил зеленый ядовитый щитомордник и метнулся прямо к его запястью. Реакция Цзян Цзыя была быстрее молнии: он резко отдернул руку, и змеиные зубы лишь чиркнули по коже, оставив бледную царапину. Хотя яд не попал в кровь, это прошибло его холодным потом. Быстро отступив, он каменным ножом разрубил змею пополам. Сердце все еще стучало в груди, но он аккуратно сорвал ту самую целебную траву и опустил ее в корзину.

Он пробовал на себе сотни трав, лично испытывая их действие.

Если он не знал природы лекарства — холодной оно или горячей, — он сам разжевывал его и проглатывал, прислушиваясь к ощущениям во рту, в горле и в животе: прохлада, жар, тепло, сухость, горечь, сладость, острота, терпкость, есть ли головокружение, нет ли боли в животе, не наступает ли онемение. Всё это он запоминал и вырезал на бамбуковых планках, не позволяя себе ошибиться ни на долю.

Некоторые травы были слегка ядовитыми, при попадании в рот они горчили и обжигали горло, вызывая спазмы в животе и головокружение, но он терпел недомогание, садился неподвижно, погружаясь в созерцание, и с помощью методов циркуляции энергии инь и ян, постигнутых через наблюдение за звездами, постепенно нейтрализовал яд, запоминая свойства токсина и противоядия, чтобы продолжить эксперименты.

Другие ходили в горы ради выживания, ради охоты на зверей или чтобы наломать дров.

И только одиннадцатилетний Цзян Цзыя отправлялся в горы ради спасения матери.

Тысячи опасностей и бесчисленные страдания — ничто из этого не могло сравниться со стоном матери или ее кровавым кашлем, и тем более не могло затмить клятву, жившую в его сердце: защитить мать, чтобы она жила, дождаться нужного часа, сокрушить жестокий Шан и принести покой Поднебесной.

Каждый вечер, волоча свое истерзанное ранами, смертельно уставшее тело обратно в хижину, он приносил с собой бамбуковую корзину, доверху набитую свежими травами: от кашля, от кровотечения, для смягчения легких, для укрепления сердца. Они лежали слой за слоем, сохраняя свежесть горных рос и аромат трав.

Всякий раз, видя его возвращение — всего в ранах, в рваной одежде, бледного, с кровоточащими руками и ногами, — Цзян-ши начинала так сильно терзаться от боли, что ее охватывал яростный, непрекращающийся кашель с кровью. Слезы текли ручьями, и она причитала: Я-эр... больше не ходи... не ходи туда больше... Мама больше не будет лечиться... Мама не хочет, чтобы ты погиб в горах... Мама лучше... покончит со всем этим...

Цзян Цзыя быстрым шагом подходил к лежатке, ставил корзину, брал холодные руки матери и, делая вид, что ему совсем не трудно, мягко успокаивал ее: Мама, со мной все в порядке, никакой опасности не было. Дорогу в горах я знаю наизусть, травы узнаю, дикие звери при моем виде сами разбегаются, а ядовитые змеи не могут причинить мне вреда. Посмотри, сегодня я снова собрал много хороших лекарств. Я заварю их для тебя, ты попьешь пару дней, и кашель утихнет, и кровь остановится.

На тебе... живого места нет... сплошные раны... сплошная кровь... — Цзян-ши дрожащими пальцами касалась ран на его руках, заливаясь слезами. — Ты обманываешь маму... Мама знает... что в горах ты... каждый раз ходишь по краю гибели...

Цзян Цзыя легко улыбался, и в глубине его глаз светилась мягкая, непоколебимая решимость. Он легко качал головой: Я не обманываю маму. Я умею наблюдать за звездами, различать стороны света, предвидеть опасности, вовремя скрываться и уходить от угроз — со мной ничего не случится. Мама, просто пей лекарство и спокойно отдыхай, ни о чем больше не думай и ничего не бойся. Пока я здесь, маме непременно станет лучше.

Он раскладывал травы по кучкам, мыл их, резал на кусочки, складывал в старый глиняный горшок, заливал горной родниковой водой и разжигал под очагом сухие ветки. Слабый огонь освещал его худой, но решительный профиль юноши, а в глазах не было ни жалоб, ни обиды — лишь бесконечное терпение и нежность.

Отвар получался горьким на вкус, противным и труднопроглатываемым. Когда Цзян-ши не могла сделать и глотка, Цзян Цзыя ложка за ложкой бережно остужал лекарство и терпеливо уговаривал: Мама, сделай еще глоточек. Когда выпьешь, тело согреется, и кашель утихнет. Я буду рядом с тобой, я всегда буду рядом.

Цзян-ши со слезами проглатывала отвар — каждая ложка горчила во рту и отдавалась болью в сердце: Эта матушка за всю свою жизнь... так и не подарила тебе ни одного счастливого дня... Напротив, заставила тебя... в столь юном возрасте... терпеть такие тяготы... страдать от таких мук... и подвергать себя смертельному риску...

Цзян Цзыя наклонился и бережно обнял иссохшие плечи матери: Мама подарила мне жизнь, вырастила меня, научила терпению, научила доброте, научила хранить верность в сердце. Это самое лучшее и самое драгоценное, что есть на свете. Сколько бы тягот я ни перенес, сколько бы ран ни получил, какому бы риску ни подвергался — я делаю это по доброй воле, и всё это того стоит.

Так тянулись дни, состоявшие из утреннего сбора трав, круглосуточного ухода за больной, голода, холода и непрерывного балансирования на грани жизни и смерти. Не успела зима смениться увядающей весной, а лето — осенью, как прошел еще один год, и Цзян Цзыя исполнилось двенадцать лет.

Он еще немного вытянулся в росте, но по-прежнему оставался худым как щепка, в рваной одежде, с руками и ногами, круглый год покрытыми старыми и новыми шрамами, с неизменно

желтоватым цветом лица. И лишь глаза его оставались спокойными не по годам — глубокими, как холодная пучина, и яркими, как звезды, — таящими в себе бесконечную боль и не угасающую волю.

Но здоровье Цзян-ши уже не могло выдержать.

Травы варились изо дня в день, миска за миской, горький сок вливался глоток за глотком, но всё это в конце концов не могло противостоять глубоким накопившимся травмам, разрушенным внутренним органам и истощенной жизненной силе. Она кашляла всё чаще, крови становилось всё больше, дыхание ее казалось тоньше паутинки. Большую часть времени она пребывала в полубессознательном состоянии, периоды ясности становились всё короче, а сама она иссохла настолько, что от нее осталась лишь горстка костей, лежавшая на рваной циновке — казалось, она могла в любой момент рассеяться по ветру.

Цзян Цзыя видел всё это, и его сердце разрывалось от боли, но он по-прежнему отказывался сдаваться.

Он стал еще усерднее ходить в горы, забирался глубже, карабкался в самые опасные места, отчаяннее пробовал новые травы, отчаянно надеясь отыскать какое-нибудь чудодейственное средство, волшебную траву, способную вытащить мать из пасти смерти. Но как бы отчаянно он ни старался, как бы ни молил, как бы ни рисковал собственной жизнью, дыхание матери день ото дня становилось все слабее.

В ту ночь лунный свет был ледяным и зловещим, звезды тускнели, Звезда Цзывэй мерцала в полумраке, а гостевая звезда угрожала дворцу — зловещее предзнаменование нависло над Западными Землями.

Мать погрузилась в тяжелый сон, ее дыхание было столь слабым, что его едва можно было уловить. Цзян Цзыя сидел у лежанки, его сердце разрывалось от боли, он не находил себе места. Он вспомнил древний метод гадания по «Чжоу И», которому его научил наставник, и, наблюдая за звездами и определяя гексаграммы с помощью стеблей тысячелистника, решил погадать на жизнь и смерть матери.

Дрожащими руками он надломил тонкие бамбуковые палочки, разложил гексаграмму на глинистом полу и затаил дыхание, сопоставляя звездные позиции, динамику инь и ян, а также дыхание неба и земли.

В сердце своем он снова и снова шептал: Молю небо и землю, молю звезды, молю божеств — защитите мою матушку, даруйте ей долгую жизнь. Этот ученик готов отдать годы собственной жизни, готов принять любые страдания, лишь бы выторговать для матушки хоть каплю жизненной силы.

Одна черта, вторая, третья... Все шесть черт легли на свои места.

Гексаграмма была сформирована.

Цзян Цзя опустил голову, всматриваясь в узор на глиняном полу. Его зрачки резко сузились, а кровь в жилах, казалось, мгновенно застыла.

Великая гексаграмма неблагоприятного предзнаменования.

Небо и земля закрыты, янская энергия полностью исчерпана, тяжелая энергия инь давит на тело, дух рассеивается, лекарства бессильны, иглоукалывание не помогает, человеческими силами ничего не исправить, искра жизни угасла, и все должно решиться в считанные дни.

Каждое слово, каждый знак разили словно острый клинок, безжалостно пронзая его внутренности.

Он оцепенело уставился на гексаграмму и долго не двигался, словно превратившись в камень.

Всю хладнокровие, стойкость, терпение и силу, которые он до этого момента изо всех сил старался сохранять, перед лицом этой железной гексаграммы мгновенно разлетелось вдребезги, рухнув со страшным грохотом.

Он тяжело рухнул на холодную глину, колени отозвались острой болью, но он даже не заметил этого.

Больше не в силах сдерживаться, больше не способный держаться, юноша затрясся всем телом, и слезы, которые он сдерживал целых двенадцать лет, прорвали плотину. Он разрыдался в голос.

Его плач был сдавленным, скорбным, отчаянным, но он не смел кричать слишком громко, боясь разбудить спящую мать. Он мог лишь до крови закусить губы, позволяя слезам безудержно катиться вниз, падая на землю, на гексаграмму, разбивая в прах последнюю надежду.

Мама... Мама...

Срываясь на хрип, он бормотал сломленным голосом, чувствуя себя так, будто его разрывало на части: Гексаграмма сулит великую беду... великую беду...

Я искал столько лекарств, карабкался на столько скал, встречал столько волков, тигров и леопардов, я пробовал сотни трав, я отдавал жизнь за лекарство, я был готов на всё... Почему все равно ничего не вышло... Почему...

Я могу не наблюдать за звездами, не постигать Небесный Дао, не учить древние книги, не

ставить великих целей, мне ничего этого не нужно, я хочу лишь, чтобы мама жила... Только бы ты жила...

У меня больше никого не осталось... У меня только ты одна из родных... Если ты уйдешь, у меня действительно совсем ничего не останется...

Он трясся в рыданиях, снова и снова ударяясь лбом о землю, до покраснения и крови. Боль переполняла его до небес, отчаяние было безграничным.

Наблюдая за звездами, можно узнать волю небес, а постигнув гексаграммы, можно узнать судьбу, но вся эта мудрость, способная пронзить небо и землю, перед лицом жизни и смерти самого близкого человека оказалась совершенно бесполезной и не смогла изменить ничего.

Эту ночь он провел на коленях, проплакав до самого утра. Его сердце словно разорвали живьем — боль достигла предела, но он по-прежнему был бессилен.

Несколько дней спустя у Цзян-ши неожиданно наступило прояснение: ее дух словно воспрял, глаза слегка прояснились, и она смогла чуть повернуть голову, чтобы взглянуть на сидевшего у лежанки сына с опущенными глазами и изможденным лицом.

Сердце Цзян Цзыя радостно ёкнуло и тут же камнем упало вниз — он понял, что это предсмертный всплеск. Слезы снова подступили к горлу, но он заставил себя сдержаться, сжал сухие, похожие на хворост, ледяные и оцепенелые руки матери и тихо произвел: Мама, ты проснулась? Хочешь пить? Я налью тебе воды.

Цзян-ши легко покачала головой. Ее дыхание было слабым, но удивительно отчетливым, и она медленно заговорила: Я-эр... мама знает... что ей осталось недолго... Ты ведь уже... гадал по гексаграмме, да?

Цзян Цзыя вздрогнул всем телом, слезы покатились из глаз, и он срывающимся голосом кивнул: Мама... да... это великая беда... твой сын никчем... я не смог спасти тебя...

Цзян-ши слабо улыбнулась — ее улыбка была слабой, но мягкой, а в уголках глаз блеснула слезинка: Не вини себя... Жизнь человека определена небесами... В это смутное время мама смогла дорастить тебя до двенадцати лет... увидеть, что ты стал разумным, стойким и думаешь о народе... Мама уже... всем сердцем довольна...

Она медленно подняла руку, с трудом потянулась под подушку, долго шарила дрожащими пальцами и вытащила крошечную Бронзовую Предков Печать.

Бронзовая печать была древней, с потускневшими узорами — это была реликвия, передававшаяся в семье Цзян из поколения в поколение. Хотя она ничего не стоила, это было единственное напоминание о роде, которое она прятала у самого сердца и не доставала до

самого последнего момента.

Собрав последние остатки сил, она прижала Бронзовая Предков Печать к ладони Цзян Цзыя и крепко сжала его пальцы, заставляя держать ее крепко-накрепко и не отпускать ни на секунду.

Ладонь Цзян Цзыя сжалась. Ледяная бронзовая печать, хранившая последнее тепло матери, казалась тяжелее тысячи цзиней.

Мама... — он рыдал, не в силах вымолвить слово.

Цзян-ши смотрела на него с невероятно торжественным выражением в глазах. Ее голос был слаб, но каждое слово весило не меньше цзиня, словно врезаясь в самую его душу на вечные времена:

Дитя мое... ты одарен от рождения: наблюдая за звездами, ты познаешь небеса; постигая гексаграммы, ты узнаешь судьбу; в твоём сердце живет великий Дао, и в будущем... ты непременно совершишь потрясающее воображение дело... ты непременно сможешь перевернуть небо и землю...

Но ты должен помнить о трех вещах. Ты должен блюсти их всю свою жизнь и не забывать ни на секунду.

Цзян Цзыя заливался слезами. Стоя на коленях у лежанки и крепко сжимая печать предков, он тяжело кивнул: Мама, говори, твой сын слушает, твой сын запомнит и не забудет во веки веков.

Дыхание Цзян-ши становилось всё слабее, и каждое слово отнимало у нее последние душевные силы:

Первое: скрывай свою мудрость.

У тебя колоссальный ум, но ты ни в коем случае не должен выставлять его напоказ раньше времени. Люди завидуют талантам, а в смутные времена ума боятся; тот, кто выставляет ум напоказ, неминуемо навлекает на себя смертельную беду. Притворяйся глупцом, когда понимаешь; притворяйся незнающим, когда знаешь. Великая мудрость под личиной глупости — вот твой путь к выживанию.

Второе: скрывай свое сердце.

Если в сердце ненависть — не показывай ненависти; если в сердце боль — не показывай боли; если в сердце великая цель — не показывай цели. Пусть радость и гнев не отражаются на лице, а печаль и радость не проступают на поверхности. Пусть в сердце твоём кроются горы и моря, а лицо остается гладким, как зеркало — только так ты сможешь устоять в смутное время.

Третье: скрывай свои острые грани.

Ты обладаешь великим талантом и несешь на себе Небесную Волю. Стоит твоему острию показаться — и ты неизбежно навлечешь на себя смертоносную бурю. Пока не настало подходящее время, пока не сложилась судьба, ты ни в коем случае не должен высываться, ни в коем случае не должен хорохориться, ни в коем случае не должен соперничать с другими в силе и удали.

Она крепко сжала руку Цзян Цзыя. Ее дыхание участилось, и последнее наставление прозвучало тихо, как жужжание комара, но потрясло душу до глубины затаенных уголков:

Не высывайся, пока не настало время!

Ни в коем случае не показывай и половины! Запомни! Запомни крепко!

Лишь сберегши себя, ты сможешь спасти народ!

Жить... важнее всего на свете...

Только выжив... можно сокрушить жестокий Шан... можно успокоить Поднебесную... можно спасти мириады простых людей...

Мама... твой сын запомнил! — Цзян Цзыя зарыдал в голос и низко поклонился, ударившись лбом о пол. — Скрывать мудрость, скрывать сердце, скрывать острые грани! Пока не пришло время — ни за что не высываться! Сберечь себя, чтобы спасти народ! Твой сын клянется: всю жизнь не нарушу этого слова, не забуду во веки веков!

Цзян-ши смотрела на него, и в ее глазах мелькнули последние капли умиротворения и нежности. Уголки ее губ чуть приподнялись, рука медленно разжалась и безвольно упала.

Последний вздох легко растаял в воздухе.

Глаза ее медленно закрылись, и больше не было слышно ни звука.

Мама!

Душераздирающий крик сорвался с губ Цзян Цзыя. Он бросился на лежанку, обнял постепенно остывающее тело матери, заливаясь горькими слезами, потеряв рассудок от горя.

С четырех сторон хижину продувал ветер. Ледяные порывы врываются внутрь, заставляя пламя лампы трепетать на грани угасания.

<http://bllate.org/book/19338/1890984>